

те, — «сателлит текста», как назвал любой комментарий С. А. Рейсер,⁵ пояснение к тексту, а не его перевод на другой, научный, язык. Такое разъяснение никогда не может заменить текста, оно не ограничивает и свободу его восприятия, лишь указывая на культурные феномены, помогающие глубже этот текст осмыслить. Его следовало бы называть, имея в виду его стремление прояснить текст через помещение в контекст будущей культуры, культурологическим комментарием.

Ни в коей мере не заменяя другие виды комментария и не являясь, как следует из вышесказанного, интерпретацией, культурологический комментарий обладает собственными — и весьма значительными — возможностями. Увидеть это позволяет, среди других многочисленных текстов, и одно письмо Д. И. Фонвизина, которое и составляет предмет настоящей статьи.

Речь идет о письме, адресованном сестре Фонвизина Феодосье Ивановне и ее мужу Василию Алексеевичу Аргамакову, датированном апрелем 1766 г. и отправленном из Санкт-Петербурга в Москву.

«Матушка сестрица и любезный друг. Сколь много обрадовался я, мой любезный друг, получа от тебя строчку на прошедшей почте. Воображение то прошло уже теперь, которое меня мучило. Я иногда думал, что ты болен; а иногда помышлял и о том, не сделался ли ты против меня холоден, без малейшей к тому с моей стороны причины. Знай, что ты с сестрицею мне столько любезен, что я для вас жить хочу; а за то требую от вас в награждение, чтоб вы вашей спокойною жизнью меня утешали.

Ныне страстная неделя, и дух мой в едином богомыслии упражняется. В животе моем плавают масло дрянно, также и орехово. Пирог с миндалем, щепки и гречневая каша не меньше помогают мне в приобретении душевного спасения. Вчера и сегодня обедал я у М. В. Приклонского; слушал заутрени, часы и вечерни, также был у обедни, одним словом, делал все то, что должно делать согрешившему ведением и неведением. И Ванька приносит на сих днях во грехах своих покаяние. Рассказывал он мне, что во время чтения Ефрема Сирина напал на него некоторый род дремоты, и без видения страшно пришел к нему некто из темных духов в образе человечестем, который весьма походил на нашего Астрадамы; пришел и спросил его: „Где твоя душа?“ Ванька мой вообразил себе, что то Астрадам, с которым он всегда обхаживался фамильярно, отвечал ему, не обинуясь, что он о душе своей ничего не ведает и что удивляется, какая нужда до души его — повару. Темный дух, раздраженный таковым гордым ответом, дал ему знать, кто он таков. „Я черт, а не Астрадам“, — говорил он ему. „По крайней мере ты похож на нашего

⁵ Рейсер С. А. Палеография и текстология нового времени М., 1970 С. 293